

Дмитрий Григорьев
ДРУГОЙ ФОТОГРАФ

некоторые стихотворения 2003–2008 гг.

МОСКВА
2009

Поэтическая серия «Русского Гулливера»

Руководитель проекта Вадим Месяц

Главный редактор серии Андрей Тавров

*Оформление серии Валерий Земских
Мargarита Каганова*

Дмитрий Григорьев

Другой фотограф. Книга стихотворений / Серия «Русский Гулливер». —
М.: Центр современной литературы, 2009. — 88 с.

ISBN 978-5-91627-014-3

© Д. Григорьев, 2009

© В. Шубинский, предисловие, 2009

© Русский Гулливер, 2009

© Центр современной литературы, 2009

об авторе

Дмитрий Григорьев родился в Ленинграде в 1960 году.

Учился на химическом факультете Ленинградского государственного университета, где занимался исследованием феромонов насекомых.

Работал бетонщиком, плотником, мозаичником, оформителем, аспирантом, старшим лаборантом, старшим лейтенантом (ликвидатором последствий аварии на ЧАЭС), журналистом, редактором (редактировал разное — от книг до глянцевого журналов), стекломоем, оператором газовой котельной и т. д. (в общей сложности более 20 профессий).

Автор многих публикаций в толстых и тонких журналах, нескольких книг стихов и прозы, член Союза писателей СПб, Землемер Незримой Империи, президент и один из отцов-основателей «Всемирной Ассоциации Любящих Изабеллу» (ВАЛИ), лауреат премии имени Н. Заболоцкого и т. д.

ТАЙНА ЕСТЕСТВЕННОСТИ

Среди петербургских поэтов своего поколения Дмитрий Григорьев — в некотором смысле белая ворона. Создается впечатление, что очень многие стороны «общего» опыта не то чтобы обошли его стороной, но оказались для него ненужными или несущественными, что многие яды, впитавшиеся в кожу его сверстников, изменившие состав их крови и одних погубившие, других закалившие, на него просто не подействовали.

В восьмидесятые годы молодые ленинградские поэты — по крайней мере значительная их часть — ощущали крайнюю меру отчуждения от окружающего мира и языка. Это было связано и с особенностями эпохи, и с «духом места», с «излучениями города», какими они были тогда (а они меняются). Чувство сопротивления материала было слишком велико, и только крайним напряжением голоса, сдвигом зрения и речи можно было это сопротивление преодолеть и нащупать собственный канал получения и преобразования лирической энергии. (Разумеется, были и благополучные эпигоны, которые никакого сопротивления не ощущали, кроме разве что иногда цензурно-редакторского — но речь не о них.)

Но Григорьев, кажется, жил в другом воздухе, впитывал другие излучения. Он как будто остался на всю жизнь в году своего рождения, 1960-м, со свойственными раннему шестидесятичеству естественностью, открытостью, простодушным бесстрашием поэтического дыхания, только без обаятельной безвкусицы тех лет. Он кажется товарищем, к примеру, своего однофамильца Олега Григорьева, или Сергея Вольфа, или прозаиков Риды Грачева и Виктора Голявкина.

Образ в его стихах как будто сам рождается из движения фразы. Но эта естественность не отменяет ремесленной (в высоком смысле слова), даже несколько «старомодной» хватки. Дмитрий Григорьев строит стихи не как резчик по дереву, даже не как столяр — как плотник, сколачивающий из крупных досок простую и прочную конструкцию, которая, ко всеобщему удивлению, способна летать. И, собственно, поэтическое чудо в данном случае заключается в том, что переход в другой мир (мир, главное свойство которого — чудесная непредсказуемость) происходит там, где вроде и не должен происходить.

Этот мир сюрреалистичен, но это не сюрреалистичность, рожденная болезненным сном или удивленным взглядом чужестранца. Нет, это

мир сказки, иногда грустной или даже жестокой, но соразмерной человеку и потому — в каком-то смысле — комфортной:

Собаки лают наперебой,
за деревьями небо с разорванной губой,
Илья-пророк рассыпает горох
и электричество вырубает по всей деревне.
Он едет мимо нашего дома
на телеге, полной застывших слёз,
он засеял уже всю дорогу
и нам целый мешок привёз.

Слово «комфорт» надо понимать правильно. Григорьев никогда не говорит ничего утешительного, но речь у него всегда идет о любви, радости, страхе, смерти, а не об одиночестве, тоске, пустоте, обезчеловечивании. И при том никаких излишней: чувство сразу же становится метафорой, картинкой, историей. А разве не в этом величайшее достоинство человека — в способности сделать свое чувство картинкой и историей? И еще: серьезное высказывание у Григорьева никогда не исключает улыбки, а улыбка — серьезности.

8

Что же до формальных особенностей его стихов, то как раз здесь и видна полная свобода от догматизма и предзаданности. Григорьев пишет иногда строфическим и рифмованным, иногда свободным стихом; но очень часто стихотворение, начавшееся как типичный верлибр определенного типа («ленинградского», восходящего к Геннадью Алексею и Сергею Кулле, основанного на синтаксических параллелизмах, часто содержащего ироническую наррацию), на ходу меняет «породу», прорастая рифмами. И это не производит впечатления небрежности или эклектики. Скорее, перед нами подобие джазовой импровизации.

Строки Григорьева задерживаются в сознании: «Танцуй, Саломея, чью голову ты попросишь, кому в серебре на красном лежать снегу...»; «Проехали Орехово, а дальше что, проехали с орехами, а что — куда...»; «Я гоню велосипед, мне десять лет, у меня есть настоящий деревянный пистолет...». Это свойство — не необходимый признак настоящей поэзии. Но достаточный. Настоящая поэзия бывает разной: порою, и очень часто, стихи требуют от читателя напряженных усилий, привыкания, преодоления инерции. Только такой ценой можно «войти в тайную комнату». Стихи Григорьева, напротив, открыты читателю, но и в них есть «тайные комнаты», отпираться только перед любящим и внимательным взглядом. Хочется верить, что эта книга такой взгляд привлечет.

Валерий Шубинский

ЧАСТЬ I
ИМЕНА СНЕГА

У меня небольшой выбор: всего три времени — прошлое, настоящее, будущее, ещё есть возможность использовать глаголы совершенного или несовершенного вида, плюс — инфинитив, сослагательное да повелительное наклонения. Вот, пожалуй, и всё. Впрочем, и словарный запас неполон — несмотря на обилие слов, вещей, требующих себе имени, становится больше и больше. А то наоборот: появляется новое слово — и тенью за ним предмет, действие или свойство.

И я стал придумывать разные имена снега, например:

мягкие пушистые беспорядочно суетящиеся крупные снежинки, что прилипают на стекла и почти сразу становятся водой — снег перемен, Снех,

крупна, падающая с неба вертикальным или косым градом, порой голуби клюют её, путая с зёрнами, — снег обмана, Снек,

правильный морозный снег — мелкий, искристый, алмазная пыль из синего безоблачного неба, где крутится жёлтый солнечный диск — снег откровения, Сонег,

жёсткий вьюжистый, проникающий за пазуху и в карманы, забивающий глаза и уши своими собственными белыми словами смерти, за которым не видно огня вдоль дороги а фары встречной машины кажутся больными глазами — снег бытия, Знег,

снег свежесыпавший, спящий, рыхлый, из которого ничего не слепить, снег, делающий следы похожими друг на друга — снег потери, Хнег,

снег липкий, тяжёлый, пригодный и для снеговиков, и для снежков, и для снежных крепостей, снег, где можно прочитать отпечаток ладони как книгу, — снег памяти, Стнег,

твёрдый наст, поджаренный весенним солнцем, его острой коркой можно порезать руку, на нем можно прыгать и не проваливаться — снег стойкости, Снег,

снег последний, городской, почерневший от сажи, умирающий, уползающий в тень ранеными белыми медведями, — снег ухода, Снег,

и снег вечный — светящиеся горные вершины в фиолетовом небе, Снег.

* * *

Горят скелеты ёлок на помойках,
зелёными иголками пронизан белый снег,
трещит огонь, и дым заглядывает в окна,
где спят медведями простые люди,

а непростые ходят вокруг ёлок,
бросая в пламя праздника следы,
и звёзды вылетают им навстречу,
и дым рисует райские сады.

* * *

Кто сказал «ярка яранга огня»,
кто спрятался среди белой тьмы,
маленький дом построила для меня
северная женщина посреди зимы,

звенят бубенцы — собак запрягай,
песней протяжной лети на край
этого мира, где птица пурга
в небе поёт про чукотский рай:

там наверху кончается лёд,
и звёзды на берег выносит прилив...
Но птица напрасно меня зовёт —
я и так живу на краю земли,

и её полёт — это мой пролет,
останется только перо в руке,
а песня её растает как мёд,
тягучий мёд на моем языке.

* * *

Говоришь, у тебя — жизнь,
а у меня — мышь
ест под полом вчерашние крошки,
и я не зову кошку,

моя мышь шуршит и скребёт,
моя мышь все время грызёт,
и время от времени
я собираю эти огрызки времени:

в одном я раскладываю пасьянс,
который не может сойтись,
в другом — уже не моя,
а чья-то другая жизнь —

там слепая женщина вяжет паутину,
тонкие пальцы, капли-узелки,
дальше — то ли пепел,
то ли шерсть мышьяная
сыпется сквозь щели
лодочки-руки.

* * *

Тигровые лилии я посадил,
красно-чёрные лилии,
чёткие линии я проводил
по тёмной и влажной зелени,

но однажды мне принесла судьба
сухие листья — полный грузовик,
и сказала: «Дело твоё — табак,
ты понял, старик!

Дело твоё — зелёная труха,
она превратится в облако-дым,
и нечего стоять на краю стиха,
лучше — лететь с ним».

Но как мне оставить лилии,
чёрные точки, красные линии?

* * *

На ветру колышется репейник,
и подсолнух головой качает —
он не станет нашим новым солнцем
и умрет ещё до снегопада,

пыль садится на большие листья,
лепестки его — живое пламя,
сотни глаз его на небо смотрят,
а не на дорогу под ногами,

ну а мы шагаем по дороге,
шелуху от семечек бросая,
как слова пустые между нами,
и подсолнух головой качает.

* * *

Собаки лают наперебой,
за деревьями небо с разорванной губой,
Илья-пророк рассыпает горох
и электричество вырубает по всей деревне.

Он едет мимо нашего дома
на телеге, полной застывших слёз,
он засеял уже всю дорогу
и нам целый мешок привёз.

Молоко превращается в простоквашу,
дорога становится глиняной кашей,
мешок тяжёлый лежит у порога,
открывать его страшно...

* * *

...Смотрит в окно автобуса и спрашивает:
— Кто эта женщина, что копается в огороде,
одетая в старое, как бомжиха?

— *Это мама моя, и она прекрасна,
из ласковых слов её платье,
из боли её башмаки.*

А он все смотрит сквозь лёд-стекло
на то, что уже утекло,
на заброшенную жирной глиной
траву на обочине, доски забора:

— Кто эта женщина возле крыльца,
будто цветная пыльца кружится?

— *Это мама моя,
я приеду к ней скоро...*

Но руки водителя — птицы,
и нечем нажать на тормоз.

ХОЛОДНАЯ ОСЕНЬ

1

Холодная осень.
Мокрые дрова разжигают
пачками черновиков.

2

Холодная осень.
Пеплом посыпаю головы
кустов клубники.

3

Холодная осень:
рябина, осина и красный клён —
вместо огня.

4

Холодная осень.
Каждое слово поднимается
белым облаком.

5

Холодная осень.
Утром алмазы в траве,
а вечером — в небе.

6

Холодная осень,
текущий часовой пояс: «Москва,
лето».

* * *

Сделать окно повыше
на несколько листьев клёна,
на пару облаков
и стаю птиц,

сделать окно пошире
на два столба забора,
на ивовый куст и берёзу,
на три пушинки иван-чая,

сделать окно побольше
на одно тёплое лето,
на крыло ночной бабочки,
на стог жёлтого сена,

сделать окно такое,
чтобы забыть про стены.

* * *

Когда я заснул — не помню,
когда я проснусь — не знаю,
у соседей собака лает,
и кто-то шуршит в сарае.

Трава на тропе примята,
а в поле прибита ветром,
солнце лежит на ветках
затёртой медной монетой,

приносит сосед опята,
жёлтые листья в грибах,
и темнеют черничные пятна
вместо слов на его губах.

* * *

Сердце моё,
пустой красный мешок
на ветке дерева
над дорогой качается —
некому снять.

* * *

Похоронили Пана
в тёмном лесу под ёлкой
похожей на дом, в который
никто не заходит,

похоронили Пана,
чтобы не раскопался,
завалили большими камнями
его могилу,

похоронили Пана,
стряхнули с ладоней землю,
тишину посадили рядом
и вышли в чистое поле.

Будем петь хвалу Аполлону,
ударим по струнам лиры,
день золотой встречая
трудом ударным!

Но чья в лесу плачет флейта,
мешает работать?

* * *

Пятнами пота и крови
так плотно меня запятнала
грязная злая работа —
пробивать подвальные стены,

и уже не упасть в радость,
не притвориться шлангом —
слишком много вдохнул пыли
слов тяжёлых,
и очень больно
нагибаться пускать воду.

Вот идут на прогулку дети,
смотрят в меня как в яму,
а куда им ещё смотреть,
если дорога прямо
проходит сквозь моё сердце,
совпадая с линией жизни,
пересекая линию смерти.

ПРИХОДИЛИ (РАБОТА 1):

Слесарь КИПа с пузырьком чернил, красных, похожих на кровь.
Известный писатель с желанием разобраться в Интернете и настроить почту.

Фотограф, собравшийся в путешествие в тёплые страны, и его подружка художница.

Рабочие из соседнего подъезда с просьбой о шведках или разводном ключе.

Шведки, но другие, с русскими друзьями, посмотреть на вымирающее племя кочегаров.

Сменщик, свидетель Иеговы, как всегда вовремя.

Юная и красивая девушка, пишущая стихи, с пятью чашками из «Икеи», подарком от другой столь же красивой девушки, пишущей стихи.

Старая знакомая, вышедшая замуж за строителя и ушедшая от него в православие.

24

Писатели фундаменталисты с литровой бутылкой «путинки» и малой закуской.

Сменщица, милостиво согласившаяся опоздать на полчаса.

Бывшая подружка со своими нынешними проблемами, кучей вкусностей и пачкой чая.

Поэты после вечера в одном из клубов, с разными бутылками и разговорами.

Поэтесса со стихами, которые хороши на слух, но неинтересны на бумаге.

Сменщик, свидетель Иеговы, как всегда вовремя.

Приятельница с дочкой, которая изрисовала рабочий журнал корабликами.

Мастер, женщина с переменчивым настроением и однообразной записью в журнале «проверена работа котельной, разрешаю включить котёл номер один».

Вдохновение, если можно так сказать, часа на два, не более.

Сменщица чуть раньше, я даже не успел собраться.

Неловкий поэт по поводу сайта и директор фирмы,
предоставляющей хостинг.

Ещё один директор, просто проезжавший мимо.

Музыканты, встреченные мной однажды в Москве, со скрипкой,
джамбеем, собственной музыкой и запахом марихуаны.

Сменщик, свидетель Иеговы, как всегда вовремя.

Большая женщина из школы с громовым голосом,
потому что сверху.

Племянник одной знакомой из соседнего дома, позвонить,
потому что забыл мобильник и ключи.

Арт-директор некоего глянцевого журнала на белой
праворульной «Тойоте», пытающийся убедить, что место
водителя справа, а не слева.

Ветер, бросивший в дверную щель письмо — зелёный лист
каштана. И откуда он взялся в апреле в нашем городе?

Сменщица в новом плаще вместо зимнего пальто.

Подменная операторша за морковкой, успевшей прорасти
на окне.

Издатель путешественник, полный идей, но с пустыми
карманами.

Просто путешественник на велосипеде.

Президенты Изабеллы с Зинзивером, и *пинь-пинь-пинь* —
коробкой божественной Изабеллы.

Сон прерывистый и тяжёлый, головная боль.

Сменщик, свидетель Иеговы, как всегда вовремя.

Веломастер в шлеме и с круглым рюкзаком за спиной.

Слесарь КИПа уже без чернил, но с круглыми бумажными
дисками для манометра-самописца.

Мастер, женщина с переменчивым настроением и однообразной
записью в журнале «Проверена работа котельной, разрешаю
включить котёл номер один».

Знакомая художница, рисующая портреты, со своим восточным
другом, тоже художником, и кусочком гашиша.

Сменщица, любезно согласившаяся опоздать на полчаса.

* * *

Люди-стаканы и люди-кружки
в сумерках бьют по лицу друг дружку,
а когда разобьют свои кружки-стаканы,
чем они пить-жить станут?!

Когда разобьётся в стеклянную крошку
пустое будущее, простое прошлое,
когда останется лишь настоящее,
где живут только люди-ящики,

и этим стеклянным людям
места уже не будет.

БЛАГОВЕЩЕНИЕ 2

Ангел белый на пути
из тумана вышел,
вынул нож или кинжал,
а скорей всего, скрижаль:
стал читать —
никто не слышит!

Ангел чёрный у ворот
доедает бутерброд,
он из черепа коровы
сделал страшный вертолёт,
скоро он снесёт всем крыши,
и любой тогда услышит
что же белый нам поёт!

* * *

Они идут на рудники,
а мы — простые рыбаки,
мы любим песни сочинять
на тёмном серебре реки,

у них на касках фонари,
они уже внутри земли,
а мы на лодках неподвижно
сидим от берега вдали,

они в земле как червяки,
их насадили на крючки
простые люди горняки,
и горы тянут плавники,

а мы лишь песни сочиняем
на тёмном серебре реки.

* * *

Лежал на диване, в потолок плевал
разные легкие красивые слова,
а все тяжёлые сплёвывал на пол,
но никому на мозги не капал.

Так заполнял пустую квартиру
своим богатым внутренним миром.

* * *

Я раскрасил кошку синим,
крылья прилепил ей,
стала кошка синей птицей,
но летать не хочет,

отдирает лапой крылья
где-то под кроватью
и выкатывает пыльный
мячик вместо счастья,

кошку мучил я напрасно,
надо бы подругу
пригласить к себе домой
и раскрасить синим —

будет в комнате порхать,
щебетать мне в ухо,
и закончится тоска,
и наступит пруха.

* * *

Сороки трещали,
волки выли,
а рыбы молча
по речке плыли.

Собаки лаяли,
коровы мычали,
о том, что Слово
было вначале,

но эти рыбы
всегда молчали.

РАБОТА 2

Я пишу о глянцевах девушках в дорогих машинах,
о владельцах шикарных домов, о докторах, которые лечат всё,
они в костюмах, в галстуках, некоторые в очках,
мужчины умны, женщины красивы,
ну а если и некрасивы, то ухожены,
на мои вопросы отвечают внятно и уверенно,
а я смотрю на лампочку диктофона,
на маленькую чёрную коробку,
куда вместе с их голосами
пролезают случайные шумы:
звук машин за стеклопакетами,
разговор в коридоре,
иногда мелодия мобильного — мой-то выключен.
Иногда мне кажется,
что помехи за речью моего собеседника
важнее, чем наш разговор,
но это мое личное мнение.

32

Иногда со мной приходит фотограф и снимает
на хороший аппарат,
а потом в фотошопе убирает родинки и морщины,
их лица становятся чище, чем в жизни,
женщины ещё моложе, мужчины ещё обаятельнее —
никаких следов времени,
они как боги — вечные
на глянцевах страницах,
правда, мне больше нравятся матовые фотографии,
однако это никого не касается,
мое дело — задавать им вопросы,
иногда у них уже есть наработанные ответы,
они повторяли их не раз перед камерами, перед диктофонами,
но я продолжаю записывать,
сохраняя отпечатки пальцев их речи,
чтобы потом перенести на бумагу,
вогнать в формат журнала,
окружить собственными фразами.

Иногда кажется, что на бумаге
говорят уже не они, а я их словами,
иногда я вкладываю в их уста собственные анекдоты,
придуманные мной истории,
но, как правило, у них много собственных историй,
ведь они хорошие собеседники,
иногда даже в ответ мне хочется рассказать что-нибудь о себе,
но вряд ли это будет им интересно.

* * *

Проходит время, проходит боль,
проходит жизнь, а мы застряли:
ведь он всё стоит в проходе,
ни туда, ни сюда не проходит!

Стоит почти совсем голый,
загородил дорогу,
растопырил руки
и молчит, свесив голову,
будто спит.

Мы его сами вперёд толкали,
гнали пинками наверх скорее,
приколачивали руки, чтобы не падал,
ноги привязывали,
кровью перепачкались даже.

34

Говорят, что за ним есть выход,
но он на нас и не смотрит,
только на камни внизу под ногами,

где старые кости белые,
тихие его молитвы.

ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ АРИФМЕТИКА

Вычитание производится простым жестом —
поворотом головы налево-направо,
словно кто-то проехал
мимо,

сложение — соединением ладоней,
легким кивком,
поклоном,
соединением тел,

но за сложением обычно следуют
вычитание, деление, умножение.

Умножение производится медленным движением
по расширяющемуся кругу:
танцуют,
крутятся парами,
и однажды становятся старыми
с кучей детей и внуков,

35

деление — проще всего:
разламывают хлеб,
рубят дрова,
разрывают фотографии,
рожают детей...

* * *

Старые люди забывают,
пересчитывают деньги без толку,
никто никогда не умирает —
просто уезжает надолго.

Вороны уже привыкли
к бутербродам, яйцам и рису,
к спящим ангелам на могилах
в цветной шелухе тризны.

До небесного Иерусалима
трамвай каждый день летает,
монеты лежат на ладони —
рыбка серебряная, золотая...

* * *

Говори не спеша о своих делах,
о жизни, свитой словно солома, плотным пучком,
а она идёт карнавальным бычком
по шаткой доске да прямо в огонь,

у бычка моего смоляной бочок,
и повсюду на шкуре — пузыри глаза,
будто он — не бычок, а бог,
и не солома горит, а душа,

а ты говори, говори не спеша...

ПЕЛЕВИН ПЛЮС

Работа твоя — раздеваться посреди сцены
за палкой блестящей, придуманной для стриптиза
и для небесных пожарников, скользящих молнией вниз
в медных касках и серебристой одежде.

Работа твоя — уходить в штопор,
когда сотню-другую баксов засунут в трусы,
даже если ты милый и нежный оборотень
с красным и пушистым хвостом лисы.

Работа моя — клоуном за липкой стойкой
разливать пойло ящерицам в дорогих шмотках
и становиться шестом, пока ты идешь в койку
с одним из них — такая моя работа,

38

ведь этот шест — ось нашего мира,
на нем крутится колесо мельницы вечной,
где каждый ягнёнок ждет своего Фенрира —
волка с пылающей шерстью
и голосом человеческим,

и нас давно уже ищет Локки
вовсе не бог хитрости,
а простой ангел смерти.

ПОХМЕЛЬЕ

Чтобы не быть одному, всех зовёшь за стол,
приходят и без молитвы начинают пить и жевать,
и ты первый среди них, не отец никому, не хозяин, а просто гость
среди прочих гостей на этом пиру.

Все поднимают бокалы, но каждый лишь о своём,
и вино у кого-то становится кровью, у кого-то водой,
а твоё вино чёрное, словно в стакане — ночь,
и на губах оставляет слова любви

к доброму горькому Богу, о котором не скажешь другим.
И когда все уйдут, ты откроешь окно, чтобы запах и дым
ветер во двор унёс как собака кость,
будешь тряпкой следы затирать, посудой звенеть ни о ком,

снова один, не отец никому, не хозяин, а просто гость.

* * *

Брат мой сделал чёрное дело —
плывёт по реке прекрасное тело:
Озирис в ящике расписном,
в деревянной лодке с хрустальным дном,

белые пятна заполнились красным,
река потемнела, солнце погасло,
брёвна скользкие до тошноты
мне уже не связать в плоты,

а вода, густая как нефть, несёт
разлитый над полем заката йод,
и пьяный на пристани хрипло поёт
про какой-то чудесный плот.

* * *

Танцуй, Саломея, чью голову ты попросишь,
кому в серебре на красном лежать снегу,
белый ягнёнок давно принесен в жертву,
и под землёй нарастает гул,

ты стала другой, сквозь лёд пробивается пламя,
и люди вокруг застыли камнями,
даже птицы висят неподвижно,
когда ты взмахиваешь руками,

танцуй между нами — мы еще можем кричать:
Танцуй, пока время играет широким подолом
юбки твоей разноцветной, огнём твоего костра!

Но даже сбросив одежду и потеряв голову,
снять невозможно всё прошлое:
эту родинку, этот шрам...

ОНА СКАЗАЛА:

Я
люблю запах керосина,
не то что спирт,
от которого голова болит,
нет, сладкий запах керосина,
когда мой дом горит.
Там я одна с огнём танцую,
там я одна в огне красива,
и лишь огонь меня целует,
когда лицо прикрыв ладонью
смеётся пламя керосина,
и открывает двери рая
звезда на небе тёмно-синем,
там я одна с огнём играю,
там всё горит, но я то знаю,
что ничего чудесней нет,
чем сладкий запах керосина,
и чёрный дым, и красный свет!

КАЛИНИНГРАД: ЛЕТО

День становится тихим и вялым,
гладит рукой невзрачный цветок,
укрывается облаком-одеялом
и на губах оставляет песок.

Пляжники, поёживаясь от холода,
надевают юбки, надевают штаны,
лишь собиратели янтаря голые
бродят вдоль самого края волны,

а над ними висит паутина
чаек полетов в небе белёсом,
а под ними в зелёной тине
солнца погасшего желтые слёзы.

* * *

Я принёс домой маленького котёнка,
а он оказался дикой кошкой,
гуляет с котами, а потом трётся шерсткой
жёсткой как стальные прутья.

Её когти расцарапали моё сердце,
совсем не осталось крови,
пришлось мне купить тяжёлый панцирь
и железные рукавицы...

Теперь, словно рыцарь средневековый,
хожу по пустому дому:
слушаю, как звенят мои доспехи
то в правом, то в левом ухе.

* * *

Сидит в шинели первого мужа,
перебирает ягоды чётки,
красное ночью окажется чёрным:
ягоды ягодки — мои подружки.

Черникой красили губы друг другу,
сосновые шишки бросали сквозь смех,
а чёрный ворон летал над лугом
и ждал того, кто счастливей всех.

Красная рябина растёт на опушке:
горький огонь в листе догорает...
Сидит в шинели первого мужа,
ягоды перебирает.

* * *

Вот смерть идёт в твоих ботинках
на яркой глянцевой картинке,
и прогибается бумага,
и рассыпается строка,

вот смерть идёт, руками машет,
а ты ещё не видел знаков
на тёмных земляных руках,
ведь ты ещё живой пока
и босиком бежишь по пашне,

и прогибается бумага,
и рассыпается строка.

Часть 2
ИМЕНА ДОЖДЯ

У меня небольшой выбор: всего три времени — прошлое, настоящее, будущее, ещё есть возможность использовать глаголы совершенного или несовершенного вида, плюс — инфинитив, сослагательное да повелительное наклонения. Вот, пожалуй, и всё. Впрочем, и словарный запас не полон — несмотря на обилие слов, вещей, требующих себе имени, становится больше и больше. А то и наоборот: появляется новое слово — и тенью за ним предмет, действие или свойство.

И я стал придумывать разные имена дождя:

*дождь из грозových туч, усеянных молниями, бьющий в лицо ко-
сыми струями, что сверкают, словно сабли в руках ветра, срывая
листья и лепестки цветов, намертво прибивая их к земле водяными
гвоздями — дождь ярости, Дорждь,*

*мелкий морозящий, такой, что капель не видно, просто влага,
растворённая в воздухе: она размывает очертания дальних предме-
тов, углубляет краски, и пейзаж становится темнее — дождь пе-
чали, Дош,*

*дождь, приходящий внезапно, когда в небе всюду светит солнце,
дождь из маленькой чёрной, а иногда и белой тучки, отец радуг и гри-
бов — дождь радости, Донждь,*

*дождь, сплошной пеленой закрывающий весь мир, так что за
створками водяных ворот видны лишь ближние деревья — дождь оди-
нчества, Долждь,*

*дождь, переходящий в град, ледяными мячиками прыгающий по
земле, расстреливающий живое и неживое, ломающий траву, звеня-
щий стеклами в парниках — дождь неизбежности, Дождь,*

*дождь второй половины летнего дня, грозowymi тучами проноси-
мый по небу и видный издали, дождь, приходящий на смену духоте
и жаре, оставляющий после себя яркую зелень и запах озона — дождь
избавления, Дошдь,*

*дождь, перемешанный со снегом, навязчивый, липкий, бегущий по
стеклу автомобилей крупными каплями — паутина воды, протяну-
тая по всему городу, связывающая дома, подъезды и людей в них, про-
никающая даже под зонты и навесы, дождь тоски, Тождь,*

*дождь крупный и редкий, похожий на плевки сверху, каждая капля
отдельна, будто слово небесного письма — дождь вестей, Дойждь.*

* * *

На газоне — уже трава,
и день открыл свой влажный рот,
где свежим асфальтом дымятся слова
и дел невпроворот,

где летит, словно птица, трамвай
по сверкающим в небе лучам,
и твоя потерянная голова
не даёт покоя плечам.

* * *

У поэта много жизней,
и одна другой короче,
никакой костюм поэтому
на поэте не сидит,

а слезает, облезает,
убегает и хохочет,
или плачет среди ночи
пуговицами слезами,

или в танце диком кружится,
или вместо поэта ложится
то с девушкой милой,
то в сырую могилу,
и все думают, что это — поэт,

а поэт совсем раздет
и прозрачен на просвет!

ОДНА ПРОСТАЯ ШТУЧКА

Одни хотят, другие мучают, третьи ласкают,
четвёртых я сама хочу, но они не могут,
слишком людей вокруг меня много,
и как доказать им, что я не такая.

Что для них у меня есть одна штучка,
эта странная штучка, очень простая,
вы не подумайте, ничего неприличного
в ней нет, не было,
и никогда не бывает.

МЕХАНИК

Еще не включили двигатель,
и все ждут,
даже говорят тихо:
«Где механик,
когда же он появится?
Или вот этот человек в ватнике
с жёлтой полосой на рукаве,
наверное, это он,
точно, это механик!»

Но человек садится рядом с нами
И шёпотом спрашивает:
«Скоро ли будет продувка?»
А мы отвечаем, что ждём,
но даже не знаем, как выглядит
этот механик,
включающий двигатель:
две ли у него руки, две ли ноги,
да и похож ли он на человека?
Есть ли у него отличия,
например, цветок в петлице,
или
ключи в его руке звенят
родниковой водой сверкают...

«Вы действительно ничего не знаете, —
отвечает человек в ватнике, —
я сам механик
некоторых механизмов,
но я ремонтирую, а не включаю,
включает все это ма-ши-нист!
Так что давайте обозначим имена
и половину человечества избавим от заблуждений.
Когда Машинист нажимает
большую красную кнопку,
загорается свет,

воет ветер, что значит — продувка,
и вообще всякое происходит:
солнце, например, восходит...
Вы хоть знаете, что такое фирменный восход?
И так продолжается до первой аварии,
когда стоп машина,
когда летят тормоза и ломаются пальцы.
Вот тут без меня никуда —
ведь именно я механик
некоторых механизмов».

* * *

Весна уже растворилась в крови,
плывёт рыба-любовь по каналу Грибоедова,
у неё серебряные плавники
и хвост фиолетовый.

Глупые рыбаки с удочками,
цветными поплавками, крючками на тонких лесках
пытаются её ловить,

но она плывёт в сторону лета
и сама поймает кого угодно,
только стоит взглянуть на неё в упор,

и не говори мне, что это из деревни Зуево
плывет по реке обычный топор.

НОВЫЙ ПРОРОК

Косметические хирурги,
космические хирурги,
пластические хирурги тянут ко мне руки
в резиновых перчатках и матерчатых белых,
ладони у них — ангельские крылья,
они пришли меня переделать:
отрезать веки
и вставить в гортань —
чтобы слова стали видимы,
язык убрать и пришить туда член —
чтобы слова стали семенем,
отрезать руки и ноги,
сделать крылья из лишней кожи,
чтобы летел на себя непохожий,
сердца людей глаголом жёг
и приземлиться не мог.

* * *

Лицо все время в напряжении,
а отпустишь — словно зазвонит тетива,
и всё распадётся:
глаза поплывут в сторону,
словно две рыбы,
губы вспорхнут бабочкой,
волосы станут травой...
Беспечный стрелок роняет стрелы:
лишь след тетивы на пальцах
полоской белой,
да васильковый взгляд
и серебряный смех.

* * *

Мы копали траншеи, чтобы остановить огонь,
носили воду из болота в низине,
из коричневого ручья,
поливали тлеющий торф.
По земле стелился тёплый туман,
угли шипели словно змеи,
все говорили: «пожар, пожар»
но я знал: это не пожар, а всего лишь болезнь.
Пожар — когда вверх по ветвям до небес
поднимается красный лис,
когда летит к облакам
чёрный дракон,
когда превращается в пар вся твоя вода:
мёртвая ли, живая — вся вода,
когда в горле вертится колючий шар,
когда дышать уже нечем,
и сердце полно огня,
когда нет никого, кроме тебя и меня.

* * *

Пока не застыло море,
и корабль не потерялся среди торосов,
расскажи мне про свою Аляску,
где растут алмазные деревья,
и ангелы развешивают простыни
в фиолетовом небе.
Расскажи мне про свою Аляску,
про полярное сияние её глаз,
её прозрачную ночь.

*Капитан набивает подушку
пухом и перьями перелётных птиц,
чтобы сны уносили его,
словно звёздные собаки, — домой.*

58

Расскажи мне про свою Аляску,
пока море не стало стеклянным,
и корабль не потерялся среди торосов,
расскажи про свою страну,
где весной золотые рыбы
поднимаются вверх по рекам,
и золотые искры
навсегда остаются в глазах
от этой речной воды.

*Спирт обжигает горло,
в голосе плещет море,
за которым лишь тёмные скалы
да птичьи пустые базары.*

* * *

Ногти её перламутровые,
глаза — изумруд,
И как я к ней подойду,
если на моих подошвах мазут,
а слова пахнут нефтью.

Ведь я шёл к ней через Сураханы,
вдыхал горячий воздух Апшерона,
я видел пёстрых змей, прозрачных птиц
в дрожащем небе над храмами огня.

Я плакал — это слёзы Низами,
меня кололи розы Физули,
Я видел восемь дверей в рай
и четыре дерева: кедр, чинар, гранат, абрикос...

Виноград оплетает её дом,
словно дракон охраняет её вход,
и что я ей расскажу,
если в горле моем прибой,
и песком заполнен мой рот?

ВОЙНА НА ВОСТОКЕ

Тысячеглазый вечер
лежит на плоских крышах
в тёмно-синем халате,
распустив поясом
путь млечный,
голову кружит гашиш
чужой пряной речи,
птицы кружатся
в каждом слове,
словно на дне пиалы
жёлтого чая листочки...
Неужели он станет кровью
сегодня ночью?

НОВАЯ ИЛИАДА

Говорят о чудесной карте
в красных прожилках крови,
где тёмные линии жизни
и белые пятна судьбы,

а здесь ветер играет палаткой,
надувает её, словно парус
корабля из длинного списка,
который я позабыл.

Говорят, все уехали в Трою
и ещё не вернулись обратно,
говорят о каком-то герое,
смерть которого прячется в пятке,

а здесь солнце устроило прятки,
то откроет глаза, то закроет,
зайчики прыгают по палатке,
и Елена спит рядом со мною.

* * *

Храмы стоят вдоль старых дорог,
дьявол приходит на перекрёстки,
а в стороне — совсем никого:
одни перелески да отголоски,

лисица по ветру держит нос,
ветер пахнет бензином и рыбой,
на доски гнилые, на мёртвый погост
небо бросает серые глыбы,

ржавое пламя мелькает в траве,
улитками смотрят чужие могилы,
кому ты продашь своих червей
мой мёртвый бог, мой милый?

* * *

Синий шар, и в нём младенец
как огонь трепещет,
тихо движется по кругу,
по дороге млечной,

а Мария на поляну
вышла из лесу с лукошком:
на плетёном дне лишь листья,
пёрышки кукушки.

В пятнах синих её платье,
на губах след синий,
словно небо целовала,
ожидая сына,

и теперь её младенец
смотрит тёмным глазом:
он всё видит, он все знает,
даже если спит,

у него на пальцах ногти
вырастут острее бритвы,
синий шар однажды лопнет,
но пока летит.

Где твой цветик-семицветик,
где волшебный клевер?
Под сосной лежит Мария
головой на север.

ХОЗЯИН РЕКИ

Она приходит к реке каждый вечер
с кувшином пустым и тихо поёт,
даже круги на воде застывают,
когда слышат песню её

о том, чья кожа в мазутных пятнах,
у кого на лице не улыбка, а шрам,
он в камышах, словно ветер, спрятан
и появляется лишь по утрам...

Острый нож мои пальцы сжимают,
мое сердце — лягушка, мой дом — тростники,
каждую ночь схожу с ума я
и жду хозяина этой реки,

я стану им, а он станет смертью,
я стану ветром, он станет никем,
ведь добыча моя — всего лишь сердце
той, что приходит к этой реке.

ДРУГОЙ ФОТОГРАФ

«Я снимал разрушенное небо,
синие кирпичи, снежные заплаты,
Я снимал то, чего не было, —
так говорит и щёлкает аппаратом. —

Вот снимок девушки, вот дорога,
над ними сплошные дожди,
я могу даже снять Бога,
только ты отсюда уйди:

ты не влезай в кадр,
нарушаешь композицию, закрываешь вид,
тебе здесь делать нечего», —
так он мне говорит.

А потом щёлкает в траве кузнечиком,
листьями над головой шумит.

* * *

В тебя входит лес
со всеми скрипами, шелестами,
коричневыми иглами прошивает твою кожу,
перемешивая родинки и родники,
а ты собираешь радугу, как грибы:
белые, красные, зеленухи, рыжики,
прозрачный сосновый бор — вся твоя мудрость,
и глухой ельник — твоё отчаянье.
Так постепенно
зарастает голубикой и болиголовом
твоя память — торфяные болота,
и ты по тропинке
вдоль коричневой густой реки,
переплетая линию жизни и линию смерти,
по вереску веры, мимо огня осин
идёшь через лес
один...

* * *

Ещё не завтра уже не вчера
мать мне сказала: «замуж пора»,
но рядом со мной лишь Егор да Степан,
стакан и топор, топор и стакан.

Мне говорили: любовь — это яд,
крысы в подвале ночью шумят,
они не боятся крысиного яда,
любовь моя спрятана словно клад.

Степан мой пошёл в еловый лес
цветок папоротника искать,
а принес горькух да опят —
их даже черви не едят.

Егор мой на радугу утром влез,
съехал вниз — штаны ободрал,
фиолетовый зад теперь у него,
и вместо золота — ничего.

Я же в зеркало тёмное смотрю,
пусть покажет мне, кого люблю,
и в зеркале не Егор и не Степан,
а рогатый лесной пан.

* * *

Пустая луна по небу
долго бродила,
искала в траве
упавшую звезду,
но там, словно лодки живые,
лежат крокодилы —
тёмные скользкие бревна!

Девки пришли хороводы водить,
а где же парни?

Луна на небе стоит,
костёр не светит,
лишь сверкают в траве
крокодилы прозрачные слезы...

Девки пришли танцевать,
венки плести,
песни петь,
в ладоши хлопать,
а где же парни?

И откуда взялись эти
длинные лодки на берегу
у воды чёрной?
Крокодилы —
слово-то какое,
чужое слово,
здесь они никогда не водились,
другое дело — зверь-бегемот
или водяной дедушка...

А венки плывут по реке
глазами воды
до самой Луны,
до последней звезды.

ГРИБЫ

Странные грибы появились в нашем саду,
вылупились будто бы из белых яиц
фиолетовые, красные змеи —
прямо у коней вишни.
Они плохо пахнут —
тухлятиной, а не грибами,
и если долго на них смотреть,
начинают ползти
прямо к колодцу.

Эти грибы питаются вниманием
тех, кто на них смотрит,
и земля наполняется нами
через тонкие грибные пальцы.

Лучше уж пойти в псилоцибиновое поле,
где бродят коровы со съехавшей крышей,
или поближе — я видел, возле малины
выросли чудесные поганки,
такие маленькие зелёные человечки.

В НОЧНОМ ЛЕСУ

Ладонь протягивает лес —
из лабиринта выход прост:
внизу тропы белеет нить,
хватай, тяни её за хвост,

и ночь бежит как верный пёс,
и синий мох над головой,
в корзине сотня павших звёзд
накрыта темною травой...

Мой минотавр стал другим,
и я давно уже не тот,
а нить свивается в круги
и снова в лабиринт ведёт.

* * *

Ничего не получится,
никакого концерта тетеревов на болоте,
снег засыпал поле,
машины лежат в канавах...

Ничего не получится,
вернулась зима,
хрустящими пальцами снега
срывает свежую зелень,
тянет весну назад.
Белая шуба, твердые руки
без всяких перчаток.

Что скажешь, господин хороший,
не тебя ли позвали редактором смерти?
Так обрежь лишнее,
типа крови и грязи, с которой она приходит,
спермы, мочи, запаха дерьма,
сделай её красивой,
а потом молчи
и не сходи с ума.

71

Ничего не получится,
ни за тринадцать монет, ни за тридцать,
никакого концерта на рассвете
среди берёз, утонувших в снегу.
Приехали охотники,
а мы по-прежнему дети:
нас манит запах сгоревшего пороха
и пустые дома
на другом берегу.

* * *

Дикие звери стоят за окном,
чёрные лапы тянут в наш дом.
Мамочка мама зажги скорей свет,
но на стене выключателя нет.

Мамочка мама, тает стекло,
и под кровать забирается зло,
больше не будет добрых чудес,
вместо дверей колыхнется лес,

где ты один: зови не зови,
схватишь травинку — она в крови,
и на ладони темнеет след.
Мамочка мама зажги скорей свет!

* * *

Променил свою жизнь на прозрачность воздушных потоков,
на сжатые зубы прикованной к камню кукушки:
какие холодные скобы и запах железа, послушай,
выстрел последний снес только ёлки макушку,
и дерево выросло странное — три головы.

Смерть спит на камнях возле ржавой старинной винтовки,
по трещинам прячутся цепи — железные змеи,
теперь ты свободен, кукушка, кукуй сколько хочешь,
ветер в тебе поселился, свистит и хохочет,
в глазницах брусника созревшая тлеет,

теперь ты свободен, кукушка, лети, ты же птица,
лети словно пуля туда, где тебя не дождались...
Три вершины у ели, а может быть просто мальчишка
сломал её в детстве, у деревьев такое же детство
проходит по этой последней дороге, послушай.

* * *

Звёздный дождь
бьет по глазам,
разламывает линию горизонта,
сон не идёт,
стоит на склоне холма,
где собаки
снова становятся волками.

Ему говорят:
сделай слова тяжелыми
словно камни,
набей ими карманы
и бросай.
Тогда собаки не тронут тебя.
Но волки
вряд ли простят
короткие поводки
и железные шипы
строгих ошейников.

РАЙ

«А что за жизнью прячется,
какая ерунда
откроется, назначится
и явится сюда!?»
Растёт от слова «явленный»
таинственный побег —
уже созрели яблоки
в саду, где человек
раскинулся как озеро:
в нём рыбы и луна,
и тень её прозрачная
не достигает дна...
А утром гости праздные
съедают запретный плод,
и всё, что им откроется,
он жизнью назовет.

ДАЛЕКО ОТ ДОМА

Мне нечего читать,
кроме пустых клеток в блокноте
да старых смс на экране телефона,
в которых так много спрессованных слов о любви,
что хватит на сотню романов,
и каждое второе сообщение
заканчивается поцелуем,
порхающим в эфире,
потерянном в электронных сотах...
А о чем ещё писать?

76

Я мысленно продолжаю каждое сообщение,
разбрасываю буквы
по зелёным холмам Ирландии,
которых никогда не видел,
но могу представить
зелёный бархат бильярдного стола,
где так долго спали любовники,
что в отпечатки их тел
закатываются, словно в лузы,
золотой шар Солнца,
серебряный шар Луны.

ДОРОГА НА ВОСТОК

Рабочие в брезентовых робах
складывают стальную мандалу моста,
чтобы машины могли переехать
через распухшую мутную реку.

«Она вчера была прозрачной, —
говорит мой попутчик, —
не грохотала камнями,
а шумела как тополиная роща.

Вчера я видел единорога,
и всадника с алмазным сердцем
на белоснежном коне.
Кого только не встретишь на этих дорогах», —
так говорит и улыбается мне...

Но дождь продолжает падать,
смывает позолоту с его лица,
чешуйки складываются в рыб,
исчезают в ручье,
что вьётся между камней,
словно наша беседа
на дороге, где машины всхрапывают во сне
и во сне едут.

ДИКОЕ ОКНО

Дикое окно
открылось в нашем доме:
хлопает створками даже когда нет ветра,
скрипит,
а иногда выплёвывает
то бумажный самолёт,
то полиэтиленовый мешок,
полный воды.

Прохожие шарахаются, отходят в сторону,
смотрят: глухая стена,
пустой брандмауэр,
а дикое окно уже на
другой стороне дома
по-собачьи мяукает,
по-кошачьи лает,

и что выкинет в очередной раз —
никто не знает.

* * *

Вот идёт человек живой:
внутри него растёт дерево,
внутри него пахнет травой,
внутри него трубки и краники,
внутри него детский сад,
внутри него тонут титаники,
внутри него листопад,
и для него уже копают яму,

а он идёт себе и рад.

* * *

Театр уехал,
остались лишь тёмные полосы
на белой площади —
следы колёс.
Театр увёз ветер:
стало душно в городе,
снег превратился в грязь,
запахи базара и запахи помойки
заполнили улицы.

А сцену быстро перестроили
под эшафот:
казнь тоже зрелище
и людей собирает не меньше.

* * *

Пока прыгает солнечный заяц
по ступеням платформы,

а пассажиры стоят возле края
и птиц на путях кормят,

пока ещё поезд не прибыл,
и тоннель смотрит глазом черным,

пока оранжевой глыбой
обходчик застыл на скамейке,

хочешь, тебя измерю
своей просторной линейкой,

измерю усталость и старость,
глубину падения неба

и то, сколько нам осталось
крошек небесного хлеба —

ведь я недавно назначен
незримых земель землемером,

а солнечный зайчик все скачет,
пахнет железом и серой...

* * *

Привезли молоко
в жёлтой автоцистерне,
солнцем плывущей
мимо сугробов,
от подъезда к подъезду,

привезли молоко
из совхоза,
где тёплые коровы в стойлах
пережевывают прошлое,

машина гудит,
и сонные люди
выходят на улицу,
поёживаются от холода,
звенят бидонами,

82

вот и я наполняю стакан
этим белым,
вычеркивая белизну снега
до самой травы
и одуванчиков цвета цистерны.

Остальное — в стеклянной банке
ставлю за дверь —
приманивать лето.

ДОРОГА НА СЕВЕР

Проехали Орехово, а дальше что,
проехали с орехами, а что — куда
поехало прорехами твоё пальто:
дырявыми карманами — не суй сюда,

проехали Иваново, а дальше кто
в дуду дудит стеклянную ещё пока,
бутылка опустевшая — простой свисток
дрожит переливается в его руках,

проехали Петровское, а дальше дождь
дорогу лижет долгую холодным ртом,
какую ещё песенку ты нам споёшь,
проехали и это мы, а что потом?

* * *

Трава рассыпается зелёными лучами,
сквозь цветочное небо проглядывает Бог,
и ангел приходит в дни печали,
а в дни радости колобок,

давно несъедобный — высохло тесто,
он скачет под окнами бодрым мячом,
и когда разбивает случайно стёкла,
делает вид, что вообще не при чём:

мол, это ангел во время печали
долго стучал неловким крылом...
Впрочем, ангел колобку всё прощает,
и небо растёт там, где было стекло.

* * *

Писать книги, в которые кто-то верит,
рисовать живые картины,
ходить от двери до двери,
протирая насквозь подошвы ботинок,

лепить небо из синей глины,
вязнуть в болоте, с вершины падать,
чтобы однажды найти дорогу,
ведущую к старому саду,

где давно созрел абрикос,
а виноград ещё кислый,
и возле дома летают пчёлы,
собирая как мёд твои мысли,

оставляя тебя чистым и голым
в люльке плетёной безгрешным младенцем,
где ты понимаешь, что пришёл,
и от этого уже никуда не деться.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>об авторе</i>	4
<i>Тайна естественности (Валерий Шубинский)</i>	6

Часть 1

ИМЕНА СНЕГА

«Горят скелеты ёлок на помойках»	11
«Кто сказал “ярка яранга огня”»	12
«Говоришь, у тебя — жизнь»	13
«Тигровые лилии я посадил»	14
«На ветру колышется репейник»	15
«Собаки лают наперебой»	16
«...Смотрит в окно автобуса и спрашивает»	17
ХОЛОДНАЯ ОСЕНЬ	18
«Сделать окно повыше»	19
«Когда я заснул — не помню»	20
«Сердце моё» -	21
«Похоронили Пана»	22
«Пятнами пота и крови»	23
ПРИХОДИЛИ (РАБОТА 1):	24
«Люди-стаканы и люди-кружки»	26
БЛАГОВЕЩЕНЬЕ 2	27
«Они идут на рудники»	28
«Лежал на диване, в потолок плевал»	29
«Я раскрасил кошку синим»	30
«Сороки трещали»	31
РАБОТА 2	32
«Проходит время, проходит боль»	34
ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ АРИФМЕТИКА	35
«Старые люди забывают»	36
«Говори не спеша о своих делах»	37
ПЕЛЕВИН ПЛЮС	38
ПОХМЕЛЬЕ	39
«Брат мой сделал чёрное дело»	40
«Танцуй, Саломея, чью голову ты попросишь»	41
ОНА СКАЗАЛА	42
КАЛИНИНГРАД: ЛЕТО	43
«Я принёс домой маленького котенка»	44
«Сидит в шинели первого мужа»	45
«Вот смерть идёт в твоих ботинках»	46

Часть 2
ИМЕНА ДОЖДЯ

«На газоне — уже трава»	49
«У поэта много жизней»	50
ОДНА ПРОСТАЯ ШТУЧКА	51
МЕХАНИК	52
«Весна уже растворилась в крови»	54
НОВЫЙ ПРОРОК	55
«Лицо всё время в напряжении»	56
«Мы копали траншеи, чтобы остановить огонь»	57
«Пока не застыло море»	58
«Ногти её перламутровые»	59
ВОЙНА НА ВОСТОКЕ	60
НОВАЯ ИЛИАДА	61
«Храмы стоят вдоль старых дорог»	62
«Синий шар, и в нём младенец»	63
ХОЗЯИН РЕКИ	64
ДРУГОЙ ФОТОГРАФ	65
«В тебя входит лес»	66
«Ещё не завтра уже не вчера»	67
«Пустая луна по небу»	68
ГРИБЫ	69
В НОЧНОМ ЛЕСУ	70
«Ничего не получится»	71
«Дикие звери стоят за окном»	72
«Променял свою жизнь на прозрачность воздушных потоков»	73
«Звёздный дождь»	74
РАЙ	75
ДАЛЕКО ОТ ДОМА	76
ДОРОГА НА ВОСТОК	77
ДИКОЕ ОКНО	78
«Вот идёт человек живой»	79
«Театр уехал»	80
«Пока прыгает солнечный заяц»	81
«Привезли молоко»	82
ДОРОГА НА СЕВЕР	83
«Трава рассыпается зелёными лучами»	84
«Писать книги, в которые кто-то верит»	85

Дмитрий Григорьев
ДРУГОЙ ФОТОГРАФ
Книга стихотворений

Поэтическая серия «Русского Гулливера»

Руководитель проекта Вадим Месяц
Главный редактор серии Андрей Тавров
Макет и верстка Валерий Земских

«Русский Гулливер»
тел. +7 495 159-00-59
<http://gulliver.commentmag.ru>
e-mail: a_tavrov@mtu-net.ru

Подписано к печати 00.00.2009. Формат 140 × 200.
Бумага офсетная. Гарнитура NewtonС.
Печать офсетная. Тираж 300 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии «Сегу Ріе»
112114, г. Москва, 2-й Кожевниковский пер., 12